Про Перфила

Жил-был старик со старухою; старик занимался сапожничеством, а она пряла пряжу. Он был пьяница. Кака грош-копейка заведется, что заробит, то и пропьет.

Вот в одно время· сидит он, шьет, а старуха пряжу прядет, и смекнул он, что у старухи есть шесть гривен денег, и умствует: «Как мне их вывести у старухи?»

Вот сидел, шил, шил — бросат чирок, ругатся, по избенке забегал: «Работай, работай, ни поисть, ни что!» — «Ну, что ты, старик, сшалел, заругался?» — «Да что, то ли захворал, то ли отощал, исть хочу, а исть нечего! Дай-ка, старуха, у тебя где-то шесть гривен есть, пойду-ка на базар, куплю что-нибудь поисть!» — «Ну да, так-то тебе и дала! Пойдешь в кабак да пропьешь!» — «Тебе говорят, не пропью, а куплю что-нибудь! Давай!» Старуха достала шесть гривен свои, подала. «Ну, ты, старуха, тут ладь горшок, я сейчас притащу живо».

Побежал старик на базар, забегат в кабачок: «Ну-ка, господин целовальник, налей шкалик вина, — подает ему двадцать копеек, — а эти я еще вам оставлю: в обратну выпить».

Пошел и опять, короче сказать, в кабачок в другой уж забегат и подает двадцатку: «Вот тебе за шкалик, а эти в обратный путь».

Так же и в третий кабачок. Побежал с пустыми руками на базар; три шкалика он выпил, шапчонку скрючил и бегает по базару, как ошалелый, как его пьяницы все знали.

Ну, как он побежал домой, едет их же батюшка домой: «Эй, садись, Перфил, я тебя подвезу!» Сел Перфил с попом, поверстался мимо кабачка: «Эх, батюшка, стыд сказать, грех утаить! Мне ведь выпить надо зайти». — «Ну, свет, и я зайду, у меня тут дело есть».

Как заходит Перфил: «Ну-ка скорей, господин целовальник!» Целовальник живком наливат крючок, подает ему. Перфил выпил, шапочку на голову вскинул: «Ну что, мы в расчете, господин хозяин?» — «В расчете».

А батюшка на деньги выпил. И так они во все три кабачка заезжали.

Из третьего-то кабачка вышли, сели, поп и спрашивает: «Это почему, Перфил, так? Я во всех кабаках по гривне уплатил, а ты без денег выпил?» — «Ах, батюшка, вы сейчас и сметили!» — «Ну, скажи же, Перфил, мне всю правду, пошто ты без денег пил водку?» — «У меня, батя, шапочка эта. Ты не гляди, что она плоха, а где что куплю, шапочку вскину, вот и в расчете. Я шапочкой живу», — «Пойдем-ка, Перфил, ко мне чайку попить в гости». — «Нет, батюшка, спасибо, некогда мне». Ну, да батюшка: «Поедем!» Привозит себе Перфила в дом: «Ну-ка, матушка, нам закусить скорее ладь!»

А прислугу отправили за дьяконом да за причетником: «Скорее!»

Приходит дьякон, приходит причетпик. Батюшка на стол графин становит, а дьякона и причетника отозвал секретные речи говорить: «Давай Перфила сомущать, купим у него артелью эту шапку. Вот уж на моих глазах в трех кабаках пил и денег не платил». — «Продай, Перфил, шапку нам!» — «Ах, батюшка, извините, что я вам скажу. И верно говорят, что поповские глаза завидущие! Увидал у головы [золото], и выманиваете!» — «Ах, да нет, Перфил, выпей еще!» Поят и выманивают: «Продай да продай, Перфил, шапку! Ну, сколько, Перфил, возьмешь за шапку?» — «А для вас, батюшка, за сто рублей отдам!»

И дали. Сложились они артелью, дали Перфилу сто рублей.

Бежит старик домой, пьяный и с деньгами. Старуха из окна увидала, заругалась: «Налил глаза и опять бежишь!» — «Ну, не ругай, старуха, вот тебе деньги!» — «Ах ты пьяница, плут! Украл где-нибудь, тебя завтра еще посадят за них»

Ну, вот как батюшка говорит: «Завтра я наперед поеду товары покупать». Надел Перфилову шапку и поехал в магазин. Тут его встретили: «Проходите, батюшка, пожалуйста!»

Ну, и спрашиват тот (не наши злыдни) того и этого, набрал там на тысячи и снимат шапочку: «В расчете, господин прикащик!» Прикащик улыбнулся сперва, думал, что он шутит. Потом видит, что поп берет уж все: «Да вы что, батюшка, шутите?» Он одно, этой шапкой трясет: «В расчете!»

До того они поспорили, что прикащик заходит к прилавку, отбират товары и попа в толчки выбрасыват! Поп не знат, куды глаза деть, а на уме думат: «Погоди же, пусть не одному мне будет совестно; скажу дьякону и причетнику, что все благополучно».

Итак, короче сказать, все трое ездили, ничего не получили, одного только конфузу нажили.

Перфилка купил некорыстную себе кобыленку и потом разменял там пятитку в ожидании, как попы придут. И кобылу эту загнал под сарай. И в навоз свежий натыкал эти деньги, серебро. Как видит, попы идут, налил воды в чашку, рукава заскал и побежал под сарай. Приходят попы к старухе:«Где, баушка, Перфил твой?» — «Что-то под сарай делать побежал».

Поп под сарай к нему. Вот Перфил закрыл этот навоз, чашку тряпкой. Он залез к нему под сарай, поп этот: «Чо, Перфил, тут работашь?» — «Да не что! Так, батюшка!» — «Ну-ка, чо, чо? Покажи!» Отталкивает его: «Да вот, батюшка, кобыленку купил не корыстну, а она вот серебрушками кладет». Да один шевяк разломат — там гривенник, да в другом — двугривенный. «Она бы еще больше клала, да вот кормить нечем». — «Ты продай, Перфил, нам эту кобылу!» — «Ах, батюшка, так вам и продавать! Вы вот шапочку купили, да, я слышал, у вас неудачно вышло. А вы у пьяного меня купили, да не спросили, с каким наговором надо дело делать». — «Ну, не разговаривай, Перфил, сколько возьмешь за кобылу?» — «Да что уж? С вас двести рублей возьму».

Попы обрадовались, увели кобылу.

Поп говорит: «Я, ребята, наперед ее возьму».

Вот загнал ее в хлев, насыпал ей овса, сена, пшеницы; навалила она тут ему целы пошевни. Встает поп, идет, рукава засыкат, по локоть руки выгадил, а больше ничего. Бежит дьякон по кобылу: «Сутки выдержал, теперь мне давай! Ну как, батюшка, какова достача?» — «Да ничего, ладная!»

Короче сказать, так же и дьякон, и причетник.

Опять к Перфилу бегут. Перфилу делать нечего. Он сбегал на базар, купил бычий пузырь и налил его полон крови и подвязал под мышку старухе: «Старуха, попы придут, ты сиди пряди. Я скажу: ставь самовар, ты сиди молчи. Раз скажу, два скажу, ты сиди. В третий раз я тебя ножом ударю, ты и упади».

Идут попы к Перфилу: «Ну, что же, Перфил, каку кобылу ты нам продал? Мы никакой достачи из нее не достали». — «Ну что, батюшка, я наваливал ее вам, что ли! Вы сами ее у меня выманили! Кобылу-то взяли, а с радостей

взяли, опять наговор не спросили. Старуха, ставь-ка самовар, гости пришли!»

Раз сказал, два сказал, три сказал. Берет ножик, бац старуху в пузырь! Старуха упала, полна комната крови! «Ты что же, Перфил, наделал?» — «Не ваше дело, батюшка, без вас обойдется!» Весится у него плетка: «Ну-ка, плетка-живулька, оживи мою жонку!»

Раз стегнул — старуха вскочила, побежала за самоваром.

Попы друг на дружку взглянули: «Это что, ребята, у Перфила? Надо купить! Купимте, ребята, от Перфила эту плетку! Наши жены нас ни в чем не слушают! Продай нам эту плетку!» — «Что вы, батюшка! Старуха тогда меня слушать не будет!» А старуха просит потихоньку: «Купите, батюшка!»

Ну и взяли плетку у него за пятьдесят рублей. Приносят домой и, короче сказать, похитили жен. «Иди-ка, матушка, по грибы!» Та не идет, он ее бац ножом! Потом давай плеткой бить: бил, бил — ну чо же, не встает! Короче сказать, также и дьякон и причетник похитили своих жен.

А Перфил в ожидании попов купил хороший леворверт и ушел в пригон под сарай этот.

Попы прибегают: «Где-ка, баушка, Перфил твой, путальник?» — «Чо-то под сараем делат». — «Поди-ка, отец дьякон, зови его сюды!»

Дьякон только под сарай забегат — бац его, удернул себе, сидит. Ждали, ждали, долго нет дьякона. Посылат опять — причетника: «Иди зови его, опять чо-то там торгует у него!» Таким же порядком опять его придернул к себе. Пошел поп сам и то же получил. Справился Перфил с попами со всеми. Попадьев нет, и попов нет!

Вот стал народ приговаривать: «Где же у нас попы, где батюшка? Весь причет потерялся!»

А Перфил склал попов и сидит. Лежат день у него, лежат два. Вот в одно время забегат к Перфилу солдат: «Можно ли у вас переночевать!» — «Ночуй, служивый, ночуй! Ну-ка, старуха, вари скоре ужну!»

Как сели они ужнать, Перфил становит на стол графин водки. Подает солдату стакан и другой. Солдат на уме думат: «Вот-то в рай я попал!»

Выпил всею бутылку, весь графин солдату споил.

Как солдат весь в поре стал ходить, так его выхвалят: «Какой ты, дедушка, добрый!» Он под это число и говорит: «Я хошь и бедный, да меня все люди знают, даже и хорошие люди ко мне гостят. Вот нонче-то у меня была старуха именинница. Ну и кое-которые люди ладно пособрались. Ну и, — говорит, — приезжий батюшка ко мне на именины заехал. Подвыпили мы тут хорошо. И вот, мой же грех: он на двор ушел и там — сердце у него плохое, то ли чо — упал да и умер, а я боюсь его шевелить». — «Ну дак чо, стащил его в Ангару, и все тут! Хошь, я снесу?» — «Пожалуйста, служивый, я тебе заплачу!» — «Ну-ка, неси его на крыльцо, я сейчас мундир надену да потащу его в Ангару».

Взял солдат попа за плечо да и отправился. Перфил в это время вынимат другого попа, облил водой и поставил у крыльца, а сам ушел в избу.

Как солдат попа на плечо взвалил, идет мимо апвахты, спрашивают: «Тут кто идет?» — «Черт!» — «Кого несешь?» — «Попа!» — «Куда несешь?» — «Топить!»

Бросил попа в Ангару, ворочатся, видит: поп мокрый у крыльца стоит! «Что тако, да ты ране меня домой вернулся? Ну нет, погоди!» — схватил, снова потащил.

А Перфил тем временем третьего поставил и водой облил. Со вторым идет мимо апвахты, опять же его спрашивают: «Кто идет?» — «Черт!» — «Кого несешь?» — «Попа!» — «Куда несешь?» — «Топить!»

Бросил попа в Ангару. Приходит домой, тут третий наготове. Он его большой матушкой! Схватил, поволок.

Как мимо апвахты с остальным попом побежал, часовые-то и говорят: «Вот где попов-то таскают! Надо нашему батюшке сказать, чтоб берегся», — да и идут к своему попу с докладом: «Батюшка, берегись, черт третьего попа унес!» — «О, батюшки, я лучше на фатеру иду».

Встал, свою шубу долгу надел и шкатулку под пазуху. Только батюшка направился через дорогу, а солдат тут и есть: «Ты долго надо мной шутить будешь?» — рассерчал, схватил на плечо да в Ангару. Тот кричит, молит; никаких резонов не примат солдат, притаскиват, привязыват камень к шее и култых в воду! А шкатулку себе забрал.

А Перфил смекнул, что долго где-то солдат. Прибегат солдат к Перфилу. «Вы как это долго?» — «Да изволь радоваться, он колдун! Таки четыре раза

я бегал. Четвертый-то раз он сухой был да в шубу оделся!» А Перфил думат: «Что такое, почему четыре раза, ковда у меня всего три попа было?» Да и заметил у него под мышкой шкатулку: «Ну-ка, старуха, тащи скоре графин! С [устатку] подать солдату».

Наливат ему стакан: «А, служивый, это у вас тут что такое? Ты смотри: дома ли у нас шкатулка, не украл ли ее у нас поп?» — «Ну, что кричите? Вот же шкатулка!»

Шкатулку Перфил отомкнул, там денег шесть тысяч. Солдату дал одну тысячу. Ну, а Перфил разбогател, живет богато.

(Зап. от Н. О. Винокуровой, в 1915 г.)

Верхнеленские сказки. Сборник М. К. Азадовского. Иркутск, 1938.